

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

В.В. Знаков

ТЕЗАУРУСНОЕ И НАРРАТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ СОБЫТИЙ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Рассматривается становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, знания и переживания, а интегративного феномена опыта – индивидуального и надличностного. Описывается роль экзистенциального опыта субъекта в понимании им событий. События анализируются как интегральные единицы человеческого бытия. На основании нарративного принципа и тезаурусной парадигмы субъектной организации гуманитарного знания описываются отличительные признаки нарративного и тезаурусного способов понимания субъектом себя и мира.

Ключевые слова: субъект, человеческое бытие, экзистенциальный опыт, событие, понимание, нарратив, тезаурус.

Социокультурный и психологический контексты человеческого бытия долгое время остаются в фокусе внимания ученых самых разных специальностей. В последние годы в человекознании все чаще проявляется тенденция к сочетанию пространственных, энергетических, механических метафор с метафорами, ранее применявшимися исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роли, ритуал, драма и т.п. Типичный пример – драматургический подход И. Гофмана, изучающего, как презентация субъектом себя другим людям, принятие на себя разных ролей в тех или иных ситуациях осуществляется в непрерывном процессе воспроизводства личного самосознания в социуме (Гофман, 2000). Среди базовых метафор, интенсивно используемых в современном человекознании, одной из центральных является нарратив (Сарбин, 2004). Неудивительно, что нарративный принцип субъектной организации знания играет заметную роль в современных

психологических исследованиях. В 2005 г. на русском языке была опубликована принципиально важная для развития методологии гуманитарного познания работа Дж. Брунера «Жизнь как нарратив» (Брунер, 2005). В 2007 г. М.Н. Эпштейн творчески развил идеи нарративного подхода и показал два возможных способа жизнеописания человека в статье «Жизнь как тезаурус» (Эпштейн, 2007). К этому времени в российской науке тезаурусный подход стал рассматриваться как новая парадигма субъектной организации гуманитарного знания (Луков, Луков, 2008). Иллюстрируя тезаурусный способ написания автобиографий, Эпштейн упоминал книги М. Монтеня, Ф. Ницше, Р. Барта. Сегодня в качестве примера типично тезаурусной по построению и стилю изложения автобиографической прозы можно назвать умные, интеллектуально глубокие воспоминания и размышления актрисы Аллы Демидовой (Демидова, 2010).

Цель статьи – проанализировать основанные на экзистенциальном опыте тезаурусный и нарративный способы понимания субъектом событий человеческого бытия. По моему мнению, такой анализ невозможен без углубленного анализа психологических феноменов, указанных в цели статьи.

Психология человеческого бытия

Познающий и понимающий ситуации и события человеческого бытия субъект – это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода. Он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Характерная особенность человеческого бытия состоит в том, что его нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь личности, оно в большей степени соответствует рубинштейновскому «миру»: это совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействий индивидуальных и групповых субъектов. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, индивидуально-психологические особенности общающихся людей), в котором потенциально представлено общее – весь мир, все человечество. Отсюда следует, что ключевое для психологии человеческого бытия понятие субъекта по объему и содержанию гораздо шире категории личности. «Субъект (в наиболее точном и полном смысле слова) – это человечество в целом. Оно представляет собой противоречивое неразрывное единство субъектов меньшего масштаба, т.е. различных социальных групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом. В процессе взаимодействия с другими людьми – прежде всего в процессе общения – человеческий индивид формируется как субъект» (Брушлин-

ский, 2006, с. 309). Формирование психики субъекта происходит в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций, на общей платформе принимаемых и отвергаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Современное переосмысление классической проблемы «бытие и сознание» эволюционирует от фокуса на наблюдаемом мире к фокусу на познающем субъекте, а затем и к фокусу на пространстве между субъектом, объектом и другими субъектами, т.е. на intersubъектном мире. Положение о том, что сознание субъекта формируются не только внутри него, но и вовне, в пространстве человеческого бытия, нетрудно найти в работах С.Л. Рубинштейна, развивают его также и современные ученые. «Отношение другого “Я” к моему “я” выступает как условие моего существования. Каждое “Я”, поскольку оно есть и всеобщность “Я”, есть коллективный субъект, содружество субъектов, “республика субъектов”, содружество личностей; это “Я” есть на самом деле “мы”. Субъект науки – это человечество, субъект речи – это вместе с индивидом и народ (его язык)» (Рубинштейн, 1997, с. 68).

Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой субъект противостоит объектам, событиям и ситуациям реальной действительности, а опыт и сознание одного человека – коллективному опыту и общественному сознанию. Противоречие снимается путем признания невозможности описания сознания и опыта конкретного человека только как составляющих его *внутреннего* мира. Вот как об этом пишет Т.Д. Марцинковская: «Однако если личностный опыт еще мо-

жет быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую — совсем без со-действия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими» (Марцинковская, 2007, с. 37).

Развитие методологии современного научного познания привело к тому, что, например, понимающее себя бытие (Знаков, 2007) уже воспринимается учеными не как метафора, а как такая же реальность, как коллективное познание. Устремленность субъекта (особенно группового) и объекта навстречу друг другу порождают между ними такое единство, в том числе чувственное и интеллектуальное, которое дает основание говорить о пространстве коллективного сознания и понимающем себя бытии как онтологически существующих данностях. Основания для такого утверждения можно найти в разных и даже очень отличающихся друг от друга областях психологии.

В дискурсивной психологии, в конструктивизме сегодня доминирует утверждение, что знание не только возникает внутри сообществ познающих субъектов, но и определяет то, что мы считаем реальностью. Согласно К. Гергену, знание это не индивидуальный ментальный образ. Знание следует анализировать не как то, что находится в головах людей, а как нечто, что они совместно создают в ходе языкового взаимодействия (Gergen, 1985). Н.Е. Максимова и И.О. Александров экспериментально обосновывают существование надиндивидуальных структур знания, формирующихся у групп людей, взаимодействующих в какой-либо предметной области. Ими выявлены связи систем знаний партнеров не только с компетенцией в предметной области, но и с весьма широким спектром характеристик, включая антропометрические. По их мне-

нию, «эти результаты могут служить для обоснования существования надиндивидуальных психологических структур, которые формируются у индивида как представителя группы, на членах которой распределена более общая психологическая структура, обеспечивающая все стороны взаимодействия этой группы с данной предметной областью» (Максимова, Александров, 2009, с. 376). Во второй половине XX века М.Г. Ярошевский отмечал, что научное творчество невозможно без представленности в жизни отдельного ученого надиндивидуальных форм объективно и закономерно развивающегося знания. Надсознательное движение научной мысли осуществляется при незримом присутствии множества конкретных исследователей — союзников, противников, оппонентов и критиков. Вследствие этого надсознательное является по своей сути коллективно-надсознательным (Петровский, Ярошевский, 1998).

Сегодня в различных областях психологии (социальной, кросскультурной, трансперсональной, психологии личности) развивается теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта. Она определяется как идентичность, выходящая за пределы индивидуального Я и охватывающая более широкие аспекты бытия, такие, как человечество, жизнь, психика или космос. При метаперсональной самоинтерпретации субъект ощущает свою неразрывную связь со всем человечеством и осознает себя как часть природного и социального мира (DeCicco, Stroink, 2007). В отечественной науке широко известной стала мультисубъектная теория личности — направление в психологии, рассматривающее человека в многообразии субъектных форм его существования и развития. В рамках этой теории ключевую роль играет феномен

отраженной субъектности. В общении любой человек обуславливает изменения значимых аспектов индивидуальности других людей, является субъектом преобразования поведения и сознания окружающих через свою представленность в них. Мультисубъектная концепция персонализации выводит понятие личности за пределы индивидуального психологического облика конкретного субъекта, не просто связывая его с окружающей социальной действительностью, а пытаясь понять и описать психологию человека через психологические свойства взаимодействующих с ним людей (Петровский, 2010).

Очевидно, что описанные выше новые, интересные и научно продуктивные направления психологических исследований ищут истоки формирования психики и субъектных качеств не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей.

К таким перспективным научным направлениям, содержательно тесно связанным с психологией человеческого бытия, относится и онтопсихология, занимающая центральное место в системе человекознания Б.Г. Ананьева. Оригинальные, интересные и продуктивные исследования в области онтопсихологии представлены в трудах Н.В. Гришиной и ее учеников. Она полагает, что предметом онтопсихологии должно быть исследование бытия человека. В онтопсихологии, так же как в психологии человеческого бытия, большое внимание уделяется анализу взаимоотношений внутреннего и внешнего мира субъекта, потому что она «ориентирована на изучение контекста реальных, практических отношений субъекта с миром, человек изучается в контексте бытия и жизненных отноше-

ний» (Гришина, 2010, с. 281). Стремление ученых выйти за пределы субъектно-объектных взаимодействий проявляется, в частности, в том, что главным для онтопсихологии, по их мнению, должен быть *концепт жизненного пространства*, а общим методологическим основанием онтопсихологических исследований – *ситуационный подход*. «Сущность ситуационного подхода состоит в признании того, что человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но “определяет” ее, одновременно “определяя” себя в этой ситуации, фактически создавая, “конструируя”, тот социальный мир, в котором живет, и тем самым выступает как подлинный субъект “жизнетворчества”, творец своей жизни» (там же, с. 288). Акцент на сочетании внутриличностного и межличностного контекста формирования психики субъекта здесь очевиден.

Таким образом, и для онтопсихологии, и для психологии человеческого бытия характерен интерес психологов к ситуациям и событиям как интегративным единицам бытия, становление которых происходит не только во внутреннем мире субъекта, но и в интересующем пространстве. Специфика осмысления и понимания ситуаций и событий в значительной мере определяется не только знаниями, но и опытом субъекта.

Экзистенциальный опыт

В наше время в психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, знания и переживания, а интегративного феномена *опыта* – индивидуального и надличностного.

В современной науке «слово “опыт” превышает его понятие и выходит за пределы возможности языковых средств его выражения. Оно подчеркивает нечто

абсолютно уникальное, что нельзя выразить в слове, — индивидуальный опыт или опыт группы. Для понимания опыта нельзя придумать конвенции: только сам субъект опыта знает, что он получил. Например, невозможно сделать сексуальный опыт одного человека хоть как-то понятным другому, так же как и мужчине нельзя выразить опыт женщины» (Кукарцева, 2010, с. 17). В методологии гуманитарных наук необходимость постановки во главу угла ментального и экзистенциального опыта, а не когнитивной истины ясно и четко сформулирована Ф. Анкерсмитом (Анкерсмит, 2007).

Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Такой опыт является важной составляющей *экзистенциального интеллекта*, который известный американский психолог Г. Гарднер называет «интеллектом больших вопросов» (Gardner, 2004). Этот вид интеллекта проявляется в способности человека размышлять о фундаментальных проблемах бытия — жизни, смерти, о существовании в целом (Gardner, 1998). Характерная особенность экзистенциального опыта заключается в том, что с его помощью субъект понимает пределы своих возможностей. Субъективно они осознаются как границы, к которым можно только приблизиться в собственном психическом развитии. Вместе с тем зрелые формы понимания себя проявляются также в том, осознавая пределы саморазвития, субъект не может их объяснить, а тем более выйти за них и эмоционально их пережить. Несмотря на это, экзистенциальный опыт человека потенциально содержит в себе не только декларативные, но и такие про-

цедурные знания, которые способствуют реализации изменений, невозможности оставаться прежним, стремлению выйти за свои пределы и превзойти себя прежнего. В этом — залог психического развития субъекта и субъектности.

В психологии смещение фокуса внимания с анализа знаний на изучение опыта возникло в результате осознания учеными многомерности мира человека, принципиальной неодинаковости ситуаций человеческого бытия. Стало ясно, что многие сферы нашей жизни таковы, что бессмысленно оценивать истинность их описания — нужно ориентироваться на правильность или правдивость. Это нашло отражение в существовании трех традиций психологических исследований — когнитивной, герменевтической и экзистенциальной (Знаков, 2009а).

Опыт оказывается важным и необходимым вследствие ограниченности научных и обыденных знаний, не обладающих потенциальной способностью содержательного определения многих сфер жизни людей. В мире человека есть множество событий и ситуаций, не дающих субъекту возможности не только истинного, но даже и правильного их описания. Во многих профессиональных контекстах и ситуациях, например, в медицинской этике, субъект может только постичь возникающие проблемы, так как у него нет достоверных знаний и осознанных мнений, на основании которых можно разрешить неизбежный конфликт моральных ценностей (обязательно ли должен быть прооперирован каждый умирающий от рака пациент? всегда ли следует говорить ему правду? обязательно ли для медперсонала до конца бороться за жизнь больных, умирающих от старческого слабоумия?).

Главная проблема при этом заключается в отделении фактов от мнений. Кон-

фликт фактов и оценочных суждений побуждает людей к принятию интуитивных, а иногда и иррациональных решений, апеллирующих скорее к совести, чем к достоверным медицинским знаниям. С позиции психологии человеческого бытия совесть является одной из главных составляющих внутреннего мира субъекта, т.е. таким интегративным психологическим феноменом, в котором явным образом представлены все три компонента экзистенциального опыта – тезаурусный, интенциональный и этический (Знаков, 2009б). В повседневной жизни совесть оказывается таким внутренним регулятором нравственного сознания и поведения, который побуждает человека совершать поступки, нередко противоречащие так называемому здравому смыслу и чувству самосохранения, но предохраняет его от переживаний вины, раскаяния и стыда. Вспомним, например, «Не могу молчать» Льва Толстого. Когнитивная картина повторяющихся в Российской империи смертных казней построена у него по тезаурусному принципу семантических и ассоциативных связей, которые практически невозможно четко сформулировать, вербально описать. Этические представления о справедливости, связанные с сильной мотивацией, направленностью на ее достижение побуждают писателя высказывать свое глубокое убеждение о недопустимости убийства одним человеком другого. И он высказывает его, не рассуждая о негативных последствиях для собственной жизни, которые может вызвать такое публичное проявление гражданской позиции.

Опыт является основополагающей категорией смыслового пространства «жизненного мира как формы бытия человека» (Петренко, 2009). Психология человеческого бытия рассматривает категорию опыта в качестве краеугольного кам-

ня субъектного подхода (Знаков, 2010в). Понятие экзистенциального опыта имеет большое значение для психологии человеческого бытия, во-первых, потому, что все, относящееся к опыту, должно рассматриваться в континууме между субъектом и миром. Во-вторых, экзистенциальный опыт это то, что нельзя выразить в категориях ни сознания, ни бессознательно: он представляет собой сплав языка как формы общественного сознания и невербализуемой субъектности, унифицированного общего в человеке и его трудно выразимой словами индивидуальности. Вместе с тем, опыт играет конституирующую роль в формировании ситуаций и событий – интегративных единиц человеческого бытия.

Событийность человеческого бытия

Социальные изменения, происходящие в мире в конце XX – начале XXI веков, оказали очень существенное влияние на формирование новой методологии социогуманитарных наук. Сегодня она проявляется в самых разных исследованиях: нарративном подходе (Шмид, 2008), развитии тезаурусного принципа субъектной организации гуманитарного знания (Луков, Луков, 2008), описании социальной психологии науки (Юревич, 2001), анализе методологических основ психологии (Корнилова, Смирнов, 2006).

Главное, что характеризует новую методологию, – смена парадигмы «соответствия», основанной на корреспондентной теории истины, на парадигму «социальных изменений», требующую от социологов, философов, историков и т.п. герменевтической интерпретации динамически изменяющегося мира человека. Акцент на динамике изменений особенно характерен для психологических исследований, предметом которых неизменно оказывается процессуальная природа

психики человека (Брушлинский, 2006). Например, А.В. Россохин пишет: «Чтобы личность была той же, она должна быть иной. Чтобы сознание было тем же, оно должно быть иным в каждое следующее мгновение еще не наступившего времени. Мы всегда пребываем в измененном состоянии сознания или, следуя предлагаемому мной понятию, — в интересознании, но для того, чтобы при этом мы сохраняли свою идентичность, мы должны быть теми же. Этот динамический поиск и развитие идентичности в потоке интересознания и есть жизнь личности в диалоге сознания и бессознательного» (Россохин, 2010, с. 82).

Применительно к социальному миру необходимо отметить, что в основании новой парадигмы лежит революционная мысль о том, что мир человека состоит не из *объектов*, а из *событий*. Социальная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). При таком взгляде на социальный мир фокус внимания исследователей смещается с описания фактов на анализ событий.

Человеческое бытие наполнено событиями, отсутствие событий — признак биологической смерти или психологического умирания. Событие в самом общем виде можно определить как «локальное структурирование бытия в сжатые промежутки времени — в данный момент, здесь и сейчас... Событие — не просто место, занимаемое в течении бытия, а совершение самого бытия, его фрагмент или эпизод» (Барабанщиков, 2002, с. 13). «Событие — плод стечения обстоятельств, когда возможное становится фактом бытия. В этом смысле оно неповторимо и необратимо. Выполнив свое назначение или роль, событие переходит в инобытие: преобразу-

ется и существует в латентной форме — прошлого в настоящем» (там же, с. 14).

При макроаналитическом методе познания психического (Брушлинский, 2006) ситуации и события рассматриваются как интегративные единицы психологии человеческого бытия. Одна их отличительная особенность заключается в смысловой насыщенности и ценностной значимости для субъекта. Другая характеристика событий и ситуаций как единиц анализа в психологии человеческого бытия связана с невозможностью их описания с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становятся для человека субъективно значимым событием только в результате осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта. Естественно, что психологически событие формируется где-то на границе достоверного осознаваемого вербализованного знания и экзистенциального опыта субъекта, включающего тезаурусный, интенциональный и этический компоненты.

Применительно к построению автобиографического нарратива эта особенность события точно подмечена Е.Е. Сапоговой: «Событие может рассматриваться как когнитивный конструкт, играющий роль посредника, “медиума” между опытом и языком, но строго не принадлежащий ни к опыту, ни к языку. Одновременно событие есть и герменевтический инструмент для преобразования недифференцированного континуума “сырых” данных опыта или воображения в вербальные структуры (в том числе метафоры), которые человек использует для того, чтобы говорить об опыте в своих повествованиях и таким образом его осмысливать, упорядочивать и транслировать. Авторизованное таким образом событие демонстрирует меру “присвоения” конк-

ретным субъектом реально случившегося (жизненного опыта). Без этой нарративной, герменевтической активности субъекта, насыщающей события смыслами, трансформирующей значения в персональные смыслы, биографический текст был бы не чем иным, как перечнем застывших бинарных оппозиций (Ю.М. Лотман), и тогда о жизни нельзя было бы поведать по-человечески, т.е. превращая действия во взаимодействия» (Сапогова, 2005, с. 69).

Наряду с ситуациями события являются важнейшим предметом исследования в психологии человеческого бытия. Ученые, работающие в этой области психологической науки (Н.В. Гришина, В.А. Лабунская, А.О. Прохоров, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко и др.), исследуют классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, надежды, пиковых переживаний и т.п. Вместе с тем в фокусе их внимания находятся классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти. Особое и, пожалуй, центральное место в психологии человеческого бытия занимают события, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т.е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования. Это бывает при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы. Научно значимыми в этом контексте являются исследования понимания разными категориями людей эвтаназии (Harvath et al., 2006), рациональных и эмоциональных оснований выбора у женщин, принимающих экзистенциально трудное решение об искусственном прерывании беременности (Grimes, Creinin, 2004; Modi,

2002), самопонимания хирургов, выполнивших неудачную операцию (Gerber, 1990), и др.

Критические события в жизни каждого из нас имеют очень значимый субъективный смысл. Мы живем в таком мире, в котором психологические исследования критических изменяющих жизнь событий приобретают большое не только научное, но и практическое значение.

Событие можно назвать критическим, если оно характеризуется следующими признаками (Перре, Лайрейтер, Бауманн, 2002, с. 362 и др.):

1. Оно всегда локализовано во времени и пространстве.

2. Оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия.

3. Произошедшие изменения сопровождаются стойкими аффективными реакциями, а не только кратковременными эмоциями. Критические изменяющие жизнь события называются нормативными, если их можно предсказать (поступление в школу) и они почти всегда наступают у всех членов определенного культурного сообщества. «Соответственно, ненормативные критические изменяющие жизнь события отличаются внезапностью и непредсказуемостью, например, неожиданная смерть кого-то из близких».

Предметом моих исследований в течение последних десяти лет было понимание людьми ненормативных критических событий человеческого бытия. Основной замысел состоял в том, чтобы осуществить анализ событий, имеющих отношение ко всему периоду онтогенеза человека – от рождения до смерти: понимание моральной допустимости абортов (Знаков, 2010б), террористической угро-

зы (Знаков, 2010а), эвтаназии (Знаков, 2005). Главная задача этой статьи заключается в таком описании и теоретическом анализе признаков тезаурусного и нарративного способов понимания мира, которые впоследствии можно применить к эмпирическим исследованиям понимания людьми критических событий — искусственного прерывания беременности, понимания террористической угрозы, эвтаназии и т.п.

Тезаурусное понимание событий

На рубеже веков методология социогуманитарного познания, одной из ключевых категорий которой является нарратив, содержательно обогатилась тезаурусной парадигмой субъектной организации гуманитарного знания (Луков, Луков, 2008).

Тезаурусная парадигма субъектной организации гуманитарного знания определяет иной способ понимания субъектом мира и себя в мире. «В наиболее общем виде тезаурус может быть определен как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъективно организованное гуманитарное знание» (Луков, Луков, 2008, с. 67). Иначе говоря, в тезаурусе каждого человека представлено не все знание о социальной и природной действительности, а только то, которое им освоено (освоенное — значит, осмысленное, понятое и ценное для субъекта). В частности, индивидуальный тезаурус культуры представляет не всю культуру, а только

ту ее часть, которая усвоена, осмыслена, понята субъектом. Обычно в тезаурус не входит то, что не может быть понято либо по объективным причинам (я не могу понять текст на фарси, потому что не знаю этого языка), либо вследствие нежелания и субъективной незначимости (вряд ли в обозримом будущем я решу, что изучение фарси для меня жизненно важно). Таким образом, в тезаурусе представлено человеческое бытие, освоенное, осмысленное понимающим субъектом, а три типа понимания, по существу, представляют собой три способа освоения бытия (Знаков, 2009а).

Отличие тезаурусного принципа построения знания от нарративного заключается в том, что «если нарратив описывает *историю* жизни, то тезаурус — ее *картину*» (Эпштейн, 2007, с. 49). Например, тезаурусные словари в отличие от энциклопедических описывают понятия не в алфавитном порядке, а на основе семантических, смысловых, ассоциативных и других связей. Такая же структура у индивидуальных тезаурусов, на основе которых мы понимаем мир («дедушка»: отец моего отца; родился в Челябинске, где много заводов; участвовал в войне, рассказывал о разрушенном Дрездене, в котором сейчас замечательная картинная галерея; он любил искусство, у нас дома нередко бывали жаркие споры по поводу новых спектаклей и выставок; красивый мужчина, на него заглядывались женщины, хотя роста он был небольшого, но, может, это и не важно?). При тезаурусном понимании субъект отвечает себе на вопросы, отличные от вопросов при нарративном способе понимания: они направлены не столько на выяснение того, что произошло и как именно это происходило, сколько на то, *что это значило для понимающего*, какие субъективные смыслы и ценности актуализовались.

Проанализирую основные признаки тезаурусного понимания субъектом себя и мира.

1. Тезаурус — именно потому субъектная характеристика организации индивидуального знания, что оно получено в результате избирательной *активности* субъекта. В соответствии с когнитивным подходом к психологическому анализу понимания именно эта часть личностного знания прежде всего актуализуется при понимании. И только потом субъект обращает внимание на *новое* в разговоре, тексте, событии, ситуации. Иначе говоря, при тезаурусном понимании сначала актуализуется то, что уже было предметом осмысления и понимания, то, что имеет для субъекта определенную ценность. Затем внимание переключается на новое, то, что еще только нужно осмыслить и понять.

Приведу пример разговора супружеской четы пенсионеров.

«Муж: Давай купим тебе новый ноутбук. Этот проработал уже 10 лет, он морально устарел: медленно загружается, у него слабый аккумулятор, маленькая память. Сейчас недорого можно купить новый, такой же по размеру, с лучшими характеристиками, его до конца жизни хватит.

Жена: Так ты считаешь, что я проживу только 10 лет?

Муж: Я сейчас говорю не о тебе, а о компьютере: у него больше память, быстрое действие, да и аккумулятора хватит на 5–6 часов.

Жена: Так что, я проживу только 10 лет? Нет, не нужен мне сейчас новый ноутбук. У меня на это лето другие траты запланированы, связанные с дачей. Газонокосилка нужна, например».

Высказывания женщины свидетельствуют о тезаурусном способе понимания ею обсуждаемой проблемы. Для нее про-

должительность жизни является актуальной темой, над ней она уже неоднократно задумывалась, а покупка компьютера — нечто новое и явно не столь уж субъективно значимое.

2. В тезаурусе элементы связаны не логическими отношениями, а *ценностно-смысловыми*. Ценностно-смысловые ориентации выражают направленность индивидуального или группового субъекта на такие значения и смыслы, образцы поведения, моральные и социальные нормы, которые он считает позитивно значимыми, благими, правильными (Луков, Луков, 2008). «Я запоминаю только свои душевные дискомфортные узлы или благодарности (редкую!) от общения с людьми. Больше ничего: ни стран, ни дат, ни событий» (Демидова, 2010, с. 8).

3. В тезаурусе принцип организации знаний не упорядоченный алфавитный, а *тематический* и потому, на первый взгляд, хаотичный. «У меня в записной книжке никто никогда не записан на ту букву, на которую нужно, — я записываю имена или фамилии чисто ассоциативно, а потом долго не могу найти нужный мне телефон. Учитель по вождению у меня значился на “П” — я его записала как “Прохиндея”» (Демидова, 2010, с. 48).

4. В тезаурусном понимании событий нередко ведущую роль начинают играть *эмоциональные переживания* понимающего субъекта, возникшие у него в результате включения содержания понимаемого в прошлый экзистенциальный опыт. Например, увидев, что у героя кинофильма тяжело заболела мать, зритель может актуализовать переживания, связанные с болезнью своей матери. В результате понимание событийной канвы фильма оказывается «ушедшим» в далекое прошлое и очень отличным от понимания человека, сидящего на соседнем кресле. Это не только частный случай, но и об-

щая закономерность, характеризующая очень значительную часть человечества. Как известно из гендерной теории субъекта (Жеребкина, 2007), внутренний приватный мир женского Я в автобиографиях сознательно или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате *внешняя событийность* якобы очевидных объективных фактов подменяется женской *внутренней аффектированной* автобиографией (Жеребкина, 2007, с. 223).

5. В построении тезауруса большую роль играют *ассоциации*. «Тогда я подумала, что память моя — ассоциативная. Как в вязании — одну петельку вытянешь, за ней потянется другая, может быть, даже другого цвета... И из этой мозаики памяти сложатся портреты людей, ведь я буду вспоминать не только себя» (Демидова, 2010, с. 15).

6. Тезаурусное понимание проявляется в склонности субъекта не к последовательному воспроизведению событий так, как они происходили, а к актуализации хотя и целостной, но мозаичной «импрессионистической» картины, состоящей из фрагментов. В тезаурусе тесно *переплетаются* и даже наслаиваются друг на друга *прошлое, настоящее и будущее*. Фундаментальное и созвучное психологии человеческого бытия обоснование закономерности такого переплетения представлено в работе У. Эко: «Жизнь только в настоящем невозможна; мы постоянно скрепляем вещи и события клеем памяти — как личной, так и коллективной (история и миф). Мы отталкиваемся от рассказа о прошлом, когда, говоря “я”, безапелляционно утверждаем, что являемся естественным продолжением чело-

века, который (по свидетельству наших родителей или книги актов гражданского состояния) родился в определенное время определенного дня определенного года, в определенном месте. Из-за того что человеку даны два вида памяти (индивидуальная память, благодаря которой мы знаем, что делали вчера, и коллективная память, которая осведомляет, когда и где родилась наша мать), часто происходит путаница, и нам кажется, что мы присутствовали при рождении собственной матери (или матери Юлия Цезаря) так же, как “присутствуем” в сценах из собственного прошлого опыта» (Эко, 2002, с. 247–248).

7. Индивидуальные тезаурусы *культурно обусловлены*. С точки зрения психологии человеческого бытия, истоки надличностного характера входящего в тезаурус экзистенциального опыта следует искать в его неразрывной связи с семиотическими ресурсами культуры. Культурная обусловленность опыта проявляется в самых разных психологических исследованиях, например, в анализе женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к *личному*, экзистенциальному опыту как гендерному опыту *группы*. Как утверждает Ш. Фельман в известной книге «Чего хочет женщина? Чтение и половые различия», в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в культуре (Felman, 1993).

Итак, тезаурусное понимание основано на активности субъекта, его избирательной ценностно-смысловой направленности, фокусе на тематическом содержании, ассоциативных и эмоциональных отклонениях от главной темы, культурной обусловленности структуры знаний, служащих основанием понимания, и большом временном масштабе, в котором рассматриваются понимаемые события.

Нарративное понимание событий

Нарративный принцип (Сарбин, 2004) выражает, прежде всего, способность и склонность субъекта упорядочивать, казалось бы, случайные факты и явления в такую непротиворечивую последовательность событий, которая представляет собой связную и законченную историю. История описывается с начала до конца и отвечает на вопросы: «что произошло?» и «как все это было?» Причем для психолога нарративный принцип характеризует не столько событийную структуру того, о чем человек рассказывает, сколько тип интерпретации, т.е. один из возможных способов организации фрагмента мира субъектом, проявляющийся в том, что он видит и как излагает историю. К сожалению, во многих научных публикациях нарратив отождествляется с повествованием, рассказыванием историй, описанием событий. В этой связи одну из главных задач я вижу в том, чтобы выделить признаки, указывающие на нетождественность нарратива и простых дескрипций, описательных высказываний.

Во-первых, следует ясно осознавать: когда мы говорим о нарративе, то имеем в виду структуру самого повествования или способ организации мышления рассказчика, который определяет разные варианты интерпретации событий и, соответственно, порождения, а не отражения, рассказа о том, «как это было». Для психологических исследований более значимым чаще оказывается второе: нарративная организация знаний и опыта субъекта определяет схемы познания и понимания мира. Нарративная организация определяет то, как люди рассказывают истории, описывающие превратности человеческого бытия, и включает *правила структурирования* событий, т.е. способы конструирования реальности рассказчиком.

В современной психологии представления о нарративе как об организующем принципе, лежащем в основе человеческих действий и поступков, развиваются Т.Р. Сарбином, К.Дж. Гергеном и другими учеными (Сарбин, 2004; Gergen, Gergen, 1986). Кроме того, такая интерпретация обсуждаемого понятия указывает на необходимость субъекта как некоторой опосредующей инстанции изложения.

Во-вторых, понятие «нарративный» следует противопоставить терминам «дескриптивный» и «описательный». «Описательность» противоположна нарративности в широком смысле. В описательных текстах излагаются статические состояния, рисуются картины, даются портреты, подытоживаются повторяющиеся, циклические процессы, изображается социальная среда или классифицируются естественные или социальные явления по типам, классам и т.п. Описательные тексты изображают, как правило, лишь одно состояние» (Шмид, 2008, с. 18). Для психолога, анализирующего, например, поступки людей, нарративными в подлинном смысле слова являются тексты, в которых излагается некое *изменение* состояния. В поведении человека изменения закономерны и неизбежны: как отмечает Д.П. Макадамс, они следуют из интенциональности человеческой психики. «Практически во всех “понятных” историях люди или подобные им существа действуют, чтобы достичь своего намерения, в результате чего появляется последовательность событий или реакций, существующих во времени как сюжет» (Макадамс, 2008, с. 140).

В-третьих, в науке исследовательская деятельность «не строится из высказываний констатирующего дескриптивного характера, описывающих предмет познания в нарративной практике “нейтральным” образом. Нарративному повествованию

предшествуют вопросы, проблемные ситуации, которые становятся специфическими ответами в разрешении противоречий наличного знания» (Яковлев, 2008, с. 30). Нарративное повествование всегда отвечает как минимум на вопросы «что произошло?» и «как это было?»

Нарративное понимание событий сознательным или неосознаваемым для понимающего субъекта образом всегда основывается на изложенных выше теоретических положениях. Кратко перечислю основные признаки нарративного понимания.

1. Нарративное понимание основано на убеждении субъекта в том, что любую ситуацию человеческого бытия можно *интерпретировать многими способами*. Это следствие обоснованного сомнения в существовании «объективных», не зависящих от точки зрения рассказчика историй, происходящих с людьми. Вера в то, что существует некая реальная история, только ждущая своего раскрытия до нарративного процесса, является ничем иным, как онтологическим заблуждением, потому что рассказ о событиях человеческого бытия уже с начала повествования начинает изменять сам ход жизни субъекта.

2. При нарративном понимании субъект сознательно и целенаправленно старается структурировать события таким образом, чтобы в повествовании присутствовал *смысл* движения (связанность или последовательность) и *цель* или ценностный конечный результат. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна представлять события в такой последовательности, чтобы достижение цели было более или менее *правдоподобным*. Описание событий безотносительно цели повествования не создает ни у рассказчика, ни у слушателя чувства адекватности повествования. Главная задача повество-

вателя — развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, то есть постоянно иметь в виду цель рассказа.

3. Нарративное понимание *диалогично*, оно всегда предполагает наличие понимающего субъекта: такие термины как «рассказчик» и «слушатели» создают ложную картину разделения на активного повествователя истории и пассивную группу реципиентов. В действительности слушатели всегда в каком-то смысле являются соавторами (Coates, 2001).

4. Нарративная *сложность* понимания проявляется во включении людьми в свои жизненные истории более разнообразных типов сюжетов. Известно, что «люди, находящиеся на относительно высоких стадиях развития Эго, приобретают более индивидуальный и нюансированный взгляд на собственный опыт, в то время как люди со слабым уровнем развития Эго видят свой опыт более “чернобелым”, в более конформистских терминах» (Макадамс, 2008, с. 153). Субъекты, обладающие высоким уровнем развития Эго, в отличие от субъектов с низким чаще осознают и вербализуют негативные события своей жизни. Для них рассказ о сложных жизненных обстоятельствах — это одновременно и повествование о произошедших положительных личностных изменениях (Helson, Roberts, 1994).

* * *

Таким образом, результатом тезаурусного понимания оказывается картина понимаемого, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях. Такое понимание фрагментарно, мозаично, непоследовательно и нередко логически противоречиво. В отличие от этого нарративное понимание событий человеческого бытия основано на какой-либо одной при-

нятой субъектом версии происходящего. Оно целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно, диалогически направленно.

Естественно, что теоретически описанные два способа понимания требуют эмпирической проверки. Перспективным направлением дальнейших исследований мне представляется психологический анализ описаний и рассказов о критических событиях человеческого бытия — абортах, терактах, экзтаназии и т.п.

Литература

- Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
- Барабанищikov В.А.* Восприятие и событие. СПб., 2002.
- Брунер Дж.* Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. С. 9–30.
- Бушлинский А.В.* Избранные психологические труды. М., 2006.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
- Гришина Н.В.* Онтопсихология и психология человеческого бытия // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар, 2010. С. 273–291.
- Демидова А.* Заполняя паузу. М., 2010.
- Жеребкина И.* Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб., 2007.
- Знаков В.В.* Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или экзтаназия // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 3–12.
- Знаков В.В.* От исследований понимания субъектом мира к психологическому анализу понимающего себя бытия // Психологический журнал. 2007. Т. 29. № 6. С. 101–110.
- Знаков В.В.* Три традиции психологических исследований — три типа понимания // Вопросы психологии. 2009а. № 4. С. 4–13.
- Знаков В.В.* Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия // Субъектный подход в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М., 2009б. С. 211–225.
- Знаков В.В.* Понимание и переживание москвичами террористической угрозы // Вопросы психологии. 2010а. № 4. С. 64–74.
- Знаков В.В.* Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости аборт-ов // Вопросы психологии. 2010б. № 2. С. 90–100.
- Знаков В.В.* Психология человеческого бытия: проблемы и перспективы // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар, 2010в. С. 252–273.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб., 2006.
- Кукарцева М.А.* Вместо введения // Э. Доманска. Философия истории после постмодернизма. М., 2010. С. 7–26.
- Луков Вал.А., Луков Вл.А.* Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008.
- Макадамс Д.П.* Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 135–166.
- Максимова Н.Е., Александров И.О.* Феномен коллективного знания: согласование индивидуальных когнитивных структур или формирование надындивидуальной психологической структуры? // Психология человека в современном мире. Т. 3. Психология развития и акмеология. Экзистенциальные проблемы в трудах С.Л. Рубинштейна и в современной психологии. Рубинштейновские традиции исследования и экспериментатики (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 5–16 октября 2009 г.) / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, И.О. Александров. М., 2009. С. 368–376.
- Марцинковская Т.Д.* Психология в современном мире // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 33–44.

- Перре М., Лайрейтер А.-Р., Бауманн У.* Критические, изменяющие жизнь события (макрострессоры) // Клиническая психология / под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб., 2002. С. 362–364.
- Петренко В.Ф.* Космический странник – сознание: опыт индивидуального брейн-шторминга // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 1. С. 5–24.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М., 1998. С. 80–98.
- Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М., 2010.
- Россохин А.В.* Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе. М., 2010.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997.
- Сапогова Е.Е.* Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.
- Сарбин Т.Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.
- Шмид В.* Нарратология. М., 2008.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
- Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2002.
- Эпштейн М.Н.* Жизнь как тезаурус // Постнеклассическая психология. 2007. № 4. С. 47–56.
- Юревич А.В.* Социальная психология науки. СПб., 2001.
- Яковлев В.Ю.* Нарративный метод научного познания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 11 (71). С. 28–35.
- Coates J.* «My mind is with you»: story sequences in the talk of male friends // Narrative Inquiry. 2001. Vol. 11. № 1. P. 81–101.
- DeCicco T.L., Stroink M.L.* A third model of self-construal: The metapersonal self // International Journal of Transpersonal Studies. 2007. Vol. 26. Issue 1. P. 82–104.
- Felman S.* What does a woman want? Reading and sexual difference. Baltimore, 1993.
- Gardner H.* Are there additional intelligences? The case for naturalist, spiritual, and existential intelligences // Education, information, and transformation / ed. by J. Kane. Upper Saddle River, NJ, 1998. P. 111–131.
- Gardner H.* A multiplicity of intelligences: In tribute to Professor Luigi Vignolo. 2004. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.howardgardner.com/Papers/documents/T-101%20A%20Multiplicity%20REVISED.pdf>.
- Gerber L.A.* Transformations in self-understanding in surgeons whose treatment efforts were not successful // American Journal of Psychotherapy. 1990. Vol. XLIV. № 1. P. 75–84.
- Gergen K.J.* The social constructionist movement in modern psychology // American psychologist. 1985. № 40. P. 266–275.
- Gergen K.J., Gergen M.M.* Narrative form and the construction of psychological science // Narrative psychology: The storied nature of human conduct / ed. by Th.R. Sarbin. Westport; Connecticut; London, 1986. P. 22–45.
- Grimes D.A., Creinin M.* Induced abortion: An overview for internists // Annals of Internal Medicine. 2004. Vol. 140. № 8. P. 620–627.
- Harvath T.A. et al.* Dilemmas encountered by hospice workers when patients wish to hasten death // Journal of hospice and palliative nursing. 2006. Vol. 8. № 4. P. 200–209.
- Helson R., Roberts B.W.* Ego development and personality change in adulthood // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 66. № 5. P. 911–920.
- Modi D.* Factors influencing women's attitudes towards abortion at the University of Pennsylvania // Perspectives in Psychology: The Undergraduate Psychology Journal of the University of Pennsylvania. 2002. Vol. 5. P. 42–49.